

имеют непосредственное влияние на разные аспекты человеческой жизнедеятельности и во многом определяют пути развития общества.

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 116 с.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // История отечественного терминоведения: очерк и хрестоматия. – М. : Московский лицей, 1994. – С. 218–283.
3. Гак В. Г. Отношение носителей языка к своему языку как проявление национально-культурной специфики языкового поведения / В. Г. Гак // Национально-культурная специфика языкового поведения : тез. докл. – М. : Изд-во РУДН, 1991. – С. 6–7.
4. Даниленко В. П. Терминология современного языка науки / В. П. Даниленко // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток : АН СССР, 1987. – С. 61–66.
5. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста : монография / Т. В. Дроздова. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2003 – 224 с.
6. Дроздова Т. В. О некоторых проявлениях семиотической природы научного текста / Т. В. Дроздова // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 856 с.
7. Краева О. Л. Задачи философской антропологии в междисциплинарной коммуникации и интеграции знаний о человеке / О. Л. Краева // Наука и повседневность: коммуникация, междисциплинарность, металингвистика : мат-лы V Междунар. науч. конф. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2003. – Вып. 5. – 266 с.
8. Лейчик В. М. Проблематика терминоведческой теории текста / В. М. Лейчик // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2002.
9. Морозова Л. А. Термины общего функционирования / Л. А. Морозова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посв. юбилею М.В. Лейчика. – М. – Рязань, 2003. – 188 с.
10. Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В. Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посв. юбилею М.В. Лейчика. – М. – Рязань, 2003. – 188 с.
11. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс 21 век : Мир и образование, 2004. – 896 с.
12. Adam J. H. Longman Dictionary of Business English / J. H. Adam. – Longman-RELOD, 1993.
13. Begg D. Economics / D. Begg, S. Fisher, R. Dornbush. – London : Mc Graw Hill Book Company, 1997. – 667 p.
14. Hyman D. N. Economics / D. N. Hyman. – Boston MA : IRWIN, 1992. – 1040 p.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е.В. Варламова

В статье рассматривается феномен политического дискурса, дается анализ его построения. Исследуются характерные особенности политического дискурса в формировании персуазивного воздействия на реципиента и факторы восприятия данного дискурса.

The article provides an overview of political discourse phenomenon and composition analysis of political discourse. The article studies distinctive features of political discourse in persuasive influence developing upon the recipient and factors of this discourse perception.

Ключевые слова: политический дискурс, проблема восприятия, культура риторики.
Key words: political discourse, perception problem, rhetoric culture.

Речь, как отмечает Э. Косериу [6, p. 11], «политически нагружена», поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык. Специфика же собственно политического общения обусловлена тем, что в нем:

- ✓ «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические», языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке;
- ✓ специфичная структура дискурса – результат своеобразных речевых приемов;
- ✓ специфична и реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление (паузирование, особая интонационность). Так, речь политика содержит в два раза больше значимых пауз, чем выступления других людей; «эти паузы у политиков к тому же более длительны, что позволяет сравнивать это со сценической речью» [4, р. 46].

На наш взгляд, политический дискурс может рассматриваться как минимум с трех точек зрения:

- ✓ чисто филологической – как любой другой текст; однако «боковым зрением» исследователь смотрит на фон – политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора;

- ✓ социопсихолингвистической – при измерении эффективности для достижения скрытых или явных, политических целей говорящего;

- ✓ индивидуально-герменевтической – при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах.

Следовательно, исследование политического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин и «связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных ("политических") ситуациях» [4, р. 46]. Иными словами, в политическом дискурсе рассматривается соотношение свойств дискурса с такими концептами, как «власть», «воздействие» и «авторитет» в связи с языковыми особенностями поведения говорящих и интерпретации их речи, а также исследуются макроструктуры политического дискурса: смена и мотивация сюжетов, мотивов, жанров и т.п.

Другой особенностью политического дискурса является «ораторство», в котором доминируют декламаторский стиль воззвания, пропагандистский триумфализм, идеологизация всего, о чем говорится, расширительное употребление понятий в ущерб логике, преувеличенные абстракция и наукообразие, повышенная критичность и «пламенность», лозунговость, пристрастие к заклинаниям, агитаторский задор, превалирование «сверх-Я», формализм партийности, претензия на абсолютную истину и т.д.

Учитывая, что полемичность политической речи – своеобразная «театрализованная агрессия», которая направлена на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок, мы выявили обобщенные критерии политического дискурса. По существующим определениям С. Шротта и Э. Визочнига [12, S. 126] к ним можно отнести: констатации и предписания действий; скрытые высказывания, подаваемые в виде вопросов; ответы на избранные вопросы; трактовки и описания проблем; описание решения проблем, стоящих перед обществом: в позитивных терминах, «конструктивно» («мы должны сделать то-то и то-то») или негативно («нам не подходит то-то и то-то», «так жить нельзя»); формулировки идей, представляющихся автору новаторскими; высказывания, подающие общие истины: как результат размышлений, как несомненная данность «от бога» (*God's truth*) или как предмет для выявления причин этой данности; запросы и требования к представителям власти; призывы способствовать тому или иному решению и предложение помощи и т.п.

Из вышеизложенного следует, что общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества необходимость «политически правильных» оценок и/или действий. Иначе говоря, «цель политического дискурса – не описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [3, р. 104], «затронуть нужную струну в этом сознании; <...> укладываться во "вселенную" мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) его адресатов, "потребителей" политического дискурса» [10, S. 211], так как эффективность политического дискурса определяется относительно этой цели.

Далеко не всегда такое внушение выглядит как аргументация: пытаюсь привлечь на свою сторону, авторы статей не всегда прибегают к логически связным аргументам, а просто дают понять, что позиция, в пользу которой выступает проponent, лежит в интересах адресата. С этой целью они пытаются воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках.

Любой дискурс, не только политический, по своему характеру направленный на внушение, учитывает систему взглядов потенциального интерпретатора с целью модифицировать намерения, мнения и мотивировку действий аудитории. Как отмечал А. Шопенгауэр, «искусство убеждения состоит в умелом использовании едва заметно соприкасающихся понятий человека. Именно благодаря этому и совершаются неожиданные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего» [11, S. 58].

Успех внушения зависит как минимум от установок по отношению к проponentу, к сообщению как таковому и к референтному объекту. Первый вид установок характеризует степень доверчивости, симпатии к проponentу, а завоевание выгодных позиций в этой области зависит от искусства внушения и от характера реципиента: «Только создав у адресата ощущение добровольного приятия чужого мнения, заинтересованности, актуальности, истинности и удовлетворенности, <...> можно добиться успеха в этом внушении» [7, S. 16].

В ситуации с активным восприятием внушения реципиент как бы помогает убедить себя, особенно если он надеется, что все происходит в его интересах. Наблюдается прямое соотношение между интенсивностью используемых речевых средств в активно осуществляемой атаке и преодолением сопротивления, являющегося результатом поддерживающей, опровергающей или смешанной предподготовки.

Однако имеются случаи, когда адресат активно сопротивляется внушению. Если имела место предварительная обработка, «внушительность» основной атаки обратно пропорциональна эффективности подготавливающих высказываний. Опровергающие предварительные действия исподволь предупреждают адресата о природе предстоящих атак. Поэтому, если атакующие высказывания не нарушают ожиданий, созданных опровергающим предварительным действием, сопротивляемость внушению бывает максимальной. Если же языковые свойства атакующих высказываний нарушают ожидания, выработанные в результате «опровержительной подготовки» (либо в позитивную, либо в негативную сторону), сопротивляемость уменьшается.

Когда адресату предъявляют более одного довода в пользу одного и того же тезиса, оправданность или неоправданность ожиданий при первом доводе воздействует на принятие второго довода. Поэтому, если речевые ожидания нарушены позитивно в результате первого довода, то этот довод становится внушительным, но изменение отношения к исходной позиции происходит только после предъявления последующих доводов, поддерживающих все ту же позицию, направленную против сложившейся установки. Когда же речевые ожидания в результате первого довода нарушены в отрицательную сторону, этот довод внушительным не бывает, но зато адресат более склонен поверить аргументам из последующей речи, аргументирующей в пользу того же тезиса, направленного против сложившейся установки [7, S. 18].

Чтобы быть эффективным, политический дискурс должен строиться в соответствии с определенными требованиями. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, «к какому лагерю относится, какую роль играет, в чем эта роль состоит и – не в последнюю очередь – за какое положение выступает ("аффирмация") и против какого положения и какой партии или какого мнения ("негация")» [8, S. 75]. Принадлежность к определенной партии заставляет говорящего:

- ✓ с самого начала указать конкретный повод для выступления, мотив «я говорю не потому, что мне хочется поговорить, а потому, что так надо»;
- ✓ подчеркнуть «репрезентативность» своего выступления, указав, от лица какой партии, фракции или группировки высказывается данное мнение; мотив «нас много»; поскольку коллективное действие более зрелищно, чем отдельное выступле-

ние, часто предусматриваются поддерживающие действия со стороны единомышленников;

✓ избегать проявления личностных мотивов и намерений, подчеркивая социальную значимость и ответственность, социальную ангажированность выступления; мотив «я представляю интересы всего общества в целом» [13, S. 124].

Учитывая фактор воздействия как составляющую любого политического дискурса, мы считаем *персуазивность* одной из наиболее важных его характеристик.

Политический дискурс нацелен, однако, и на *ниспровержение мнений и аргументов противника и дискредитацию личности оппонента*. Одним из средств уничтожения противника в политических дебатах является его высмеивание. Смех вообще, по мнению многих теоретиков (например, А. Бергсона), проявляет неосознанное желание унижить противника, а тем самым откорректировать его поведение. Такая направленность осознанно эксплуатировалась в политических дебатах еще со времен Римской империи, о чем свидетельствуют обличительные речи Цицерона. По Э. Корбейлю [5, p. 78], оратор «входит в сговор» со слушателем, стремясь исключить из игры своего политического оппонента как не заслуживающего никакого положительного внимания. Отстранив оппонента от равноправного участия в обсуждении вопросов, оратор остается один на один со слушателем; при определенных режимах свободный обмен мнениями не предполагается, и политический дискурс не нацелен на диалог [9, S. 21].

Интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает *знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху*.

Известно, что проблема восприятия политического дискурса – это проблема информационной значимости его в определенном континууме. Политический дискурс напрямую связан с мировоззрением, мироощущением, мирозерцанием, миропереживанием реципиента, поэтому его особенности и установки (мировоззренческие, воспитательные, гуманистические и т.д.) должны рассматриваться с позиций реципиента. Ригидность/активность и отчужденность/причастность – это рефлексивные позиции, которые реципиент занимает в процессе восприятия политических текстов; доминантность той или иной рефлексивной позиции в значительной мере обусловлена особенностями риторики политического дискурса. Именно способность политического дискурса проецироваться на рефлексивную реальность реципиента, пробуждать рефлексивную и таким образом обеспечивать его рефлексивную причастность к событиям текста является гарантией его жизнеспособности. Политическая риторика – это онтологическая категория, имеющая отношение к бытийности, событийности и со-событийности реципиента (как известно, со-бытие, по М.М. Бахтину, означает любое множество начал, осознаваемое как одно).

Культура риторики политического дискурса сопряжена с *преодолением таких его отрицательных качеств*, как идейная декларативность, идейный монополизм и агрессивность, директивность, диктаторство, безапелляционность, конфликтность, идейное управленчество и коллажирование, при которых информация вменяется вместо того, чтобы стать предметом рефлексии реципиента, что приводит к отчужденному текстовосприятию.

Концепция риторической культуры политического дискурса основывается на признании таких максим, как *максима рефлексивности* и *максима диалогизма*. Суть максимы рефлексивности сводится к тому, что риторическое слово рефлексивно: оно несет в себе определенный рефлексивный заряд; текст является носителем рефлексивной энергии автора, которая в той или иной степени передается реципиенту; риторика задает программу герменевтического действования со стороны реципиента; в процессе восприятия реципиент делает текстовую реальность предметом своей рефлексии, его рефлексивная позиция проявляется в виде разнообразных рефлексивных актов в широком спектре их типового и видового статуса, а также в виде разных тех-

ник понимания. Учитывая то, что риторический аспект является областью устного речетворчества, нам представляется необходимым отметить эти определенные особенности для вычленения их как необходимой составляющей политического дискурса для реализации категории персуазивности.

Центральными для политического дискурса представляются проблема рефлексивизации риторических стратегий и тактик, поддержание «рефлексивной атмосферы» политического дискурса, акцент на «рефлексивно-насыщенную» информативность, предполагающую продуктивные герменевтические усилия реципиента. Выявление точек рефлексивного соприкосновения необходимо для установления оптимального взаимодействия реципиента с текстом, при котором он пропускает текстовую реальность через призму своего опыта мыследеятельности, затем начинает мыслить, рассуждать, анализировать, его рефлексия организуется и объективируется в мысли, идеи, мнения, убеждения и т.д., и формируется собственное рефлексивное отношение к излагаемым в тексте истинам. Риторика является средством приведения в действие рефлексивной энергии реципиента. Рефлексивный контакт устанавливается применением специальных риторических средств, приемов и техник, способных воздействовать на рефлексивное поведение реципиента. Рефлексивные установки могут быть выражены как в эксплицитной, так и в имплицитной форме. В условиях отсутствия рефлексивных установок политический дискурс лишается своего внутреннего стержня – способности притягивать слушателя, удерживать интерес к точке зрения автора и желание понять ее. Рефлексивность должна входить в политический дискурс как обязательный компонент его смыслового состава.

Рефлексия вообще является диалогической реакцией человека на окружающий его мир, в частности, на текст сообщения в процессе рефлексивного поглощения его смыслов. Работа рефлексии означает, что реципиент входит в состояние диалога с риторическим словом, и этот диалог может осуществляться в неявной, ненамеренной, мысленной форме. Риторическое обеспечение диалогизма на уровне политического дискурса означает адаптацию текстовой реальности и открытость текста для рефлексивного вторжения со стороны реципиента в самом широком диапазоне. Оптимальное риторическое обеспечение функционально способно заставить реципиента более заинтересованно вникать в текстовые смыслы, отвечать на поставленные вопросы, обосновывать собственную позицию, соглашаться или отвергать сказанное. Риторическими средствами можно также предложить реципиенту поразмыслить, порассуждать, проанализировать сказанное, втянуть его в дискуссию с автором и т.д. Такой «диалогизированный» политический дискурс способен вызвать у реципиента ощущение сопричастности, «со-бытия» и является свидетельством заинтересованности автора в активности реципиента текста.

Монологизм является крайней степенью диалогизма, при которой текстовая реальность не отражает динамики рефлексии автора, не содержит рефлексивных установок на диалогизм и не задевает рефлексии реципиента. В связи со спецификой политического дискурса более актуальна *максима монологизма*.

Риторическое обеспечение факторов рефлексивности в политическом дискурсе означает признание автором ответственности своего риторического поступка перед слушателями и читателями. В связи с этим особую важность приобретает проблема взаимоотношений между автором и реципиентом. Эти отношения подробнее рассматриваются нами с позиции субъективизации политического дискурса.

Политический дискурс является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента картины мира. Более того, политический дискурс – это фактор языкового контроля, явления, которое находится в центре внимания современной политолингвистики. Используя политический дискурс в качестве пробного материала, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за

пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу.

Политический дискурс представляет собой совокупность политических дискурсивных социума: дискурса власти, контрдискуссии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее.

Обобщая основные признаки политического дискурса, можно рассматривать его как совокупность дискурсивных практик, то есть тенденций в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения одного и того же смысла, идентифицирующих его участников.

Библиографический список

1. Каменская О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 151 с.
2. Шестопал Е. Б. Личность и политика / Е. Б. Шестопал. – М. : Прогресс, 1989. – 79 с.
3. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal / P. Bayley. – Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 104–114.
4. Bell D. M. Innuendo / D. M. Bell // Journal of Pragmatics. – 1997. – Vol. 27, № 1. – P. 35–59.
5. Corbeil A. Controlling laughter: Political humor in the late Roman republic / A. Corbeil. – Princeton – N.J. : Princeton University Press, 1996. – 217 p.
6. Coseriu E. Lenguaje y política / E. Coseriu. – Madrid : Fundación Friedrich Ebert, Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1987. – P. 9–31.
7. Grác J. Persuázia: Oplyvkovanie človeka človekom / J. Grác. – Brno : Osveta, 1985. – 89 S.
8. Grünert H. Politisches Sprechen als oppositiver Diskurs: Analyse rhetorisch-argumentativer Strukturen im parlamentarischen Sprachgebrauch / H. Grünert, G. Kalivoda. – Tübingen : Narr, 1983. – S. 73–79.
9. Morawski L. Argumentacje, racjonalność prawa i postępowanie dowodowe / L. Morawski. – Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1988. – S. 64.
10. Rathmayr R. Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow / R. Rathmayr // Totalitäre Sprache – langue de bois – language of dictatorship / eds. R. Wodak, F. P. Kirsch. – Wien : Passagen, 1995. – 211 S.
11. Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung / A. Schopenhauer // A. Schopenhauer's sämtliche Werke / Hrsgn. v. Julius Frauenstädt. 2. Aufl: Neue Ausgabe. – Leipzig : Brockhaus, 1973. –Bd. 1: Vier Bücher, nebst einem Anhang, der die Kritik der Kantischen Philosophie enthält; Bd. 2. – S. 58.
12. Schrotta S. Neue Wege zur Verständigung: Der machtfreie Raum / S. Schrotta, E. Visotschnig. – Wien – Hamburg : Zsolnay, 1982. – 126 S.
13. Volmert J. Politikrede als kommunikatives Handlungsspiel: Ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede / J. Volmert. – München : Fink, 1989. – 204 S.

ФОКУСИРОВАНИЕ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ПРОИЗВОДНЫХ ЕДИНИЦАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Л.В. Воронина

В статье анализируются процессы категоризации, субкатегоризации мира человеком в именных производных, объективирующих объекты живого мира. Рассматриваются признаки, на основе которых происходит расширение категорий. Сделаны выводы об универсальном и идиоэтническом характере признаков, формирующих концептуальную структуру именных производных единиц.

The processes of categorization, subcategorization of the world by the person in nominal derivatives, objectifying the objects of the living world are analyzed in the article. The features upon which the expansion of categories occurs are analyzed. The conclusions on universal and idioethnic character of the features forming the conceptual structure of derivative units are made.

Ключевые слова: словообразование, производное слово, категоризация, субкатегоризация, фокусирование, признак, перцептивные, абстрактные признаки, смысл.

Key words: word-building, derivate word, categorization, subcategorization, focusing, feature, perceptive, abstract features, sense.